

С. К. Смирнов

**Духовный отец в древней
восточной церкви**

**Часть 1. Период Вселенских
соборов**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
С11

С11 **С. К. Смирнов**
Духовный отец в древней восточной церкви: Часть 1. Период Вселенских соборов / С. К. Смирнов – М.: Книга по Требованию, 2021. – 368 с.

ISBN 978-5-458-01846-3

ISBN 978-5-458-01846-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВМѢСТО ВВЕДЕНІЯ. 1)

Изученіе дисциплины и быта древне-русской церкви совершенно естественно уводитъ изслѣдователя въ исторію древней восточной церкви. И это не потому только, что русская церковь—наслѣдница древней и часть восточной, не потому, что русская митрополія, четыре съ половиной вѣка входившая въ составъ Константинопольскаго патріархата, устроена была по образцу греческихъ митрополій, но еще и потому, что русская церковная исторія крайне бѣдна оригинальными источниками. Мы часто не имѣемъ болѣе или менѣе обстоятельныхъ сообщеній о важнѣйшихъ событіяхъ исторіи нашей древней церкви, въ свое время волновавшихъ народъ и власти, а описаніе будничныхъ явленій церковнаго быта или привычныхъ институтовъ церковнаго права и не входило никогда въ задачи нашихъ древнихъ авторовъ. И вотъ для возстановленія картины строя древне-русскаго церковнаго управленія и быта изслѣдователю приходится обращаться на Востокъ; онъ принужденъ вести работу окольнымъ путемъ сравнительнаго изученія. Такимъ методомъ Е. Е. Голубинскій возстановилъ исторію церковнаго управленія въ кievскій періодъ, объяснивъ тѣ намеки нашихъ источниковъ, которые до него не понимали или невѣрно толковали,—написалъ главу объ управленіи, одну изъ лучшихъ главъ своей превосходной Исторіи.

И мнѣ, съ моимъ частнымъ вопросомъ пришлось погрузиться въ исторію древней восточной церкви и погрузиться глубоко...

---

1) Рѣчь, произнесенная на магистерскомъ диспутѣ 8 іюня 1906 г. предъ защитой диссертациі,—предлагаемой книги.

Больше всего интересуюсь древне-русскимъ религиознымъ и церковнымъ бытомъ, я давно остановился на вопросѣ о *древне-русскомъ духовникѣ*. Этотъ институтъ, и теперь существующій какъ особый въ церквахъ—греческой, болгарской, сербской и румынской, и почти забытый у насъ, мнѣ показался интересенъ и самъ по себѣ, какъ предметъ изученія, и въ жизни древней Руси—такъ мнѣ думалось—онъ игралъ большую, хотя не сразу замѣтную роль.

Главныя черты древне-русскаго духовничества слѣдующія ¹⁾. Имѣть или держать духовнаго отца обязанъ всякій вѣрующій съ отроческихъ лѣтъ. Христіанинъ безъ духовника—незасѣянная нива, рождающая сорныя травы. Но „покаяніе вольно есть“, выборъ духовника свободенъ: вѣрующій самъ искалъ себѣ „іерея или инока разумна и хитра,—отца духовнаго добра, боголюбива и благородна“, хотя часто находилъ „попа запойчива и немудра, сребролюбца, потаковника или гнѣвлива“. Выбранный духовный отецъ былъ также свободенъ въ принятіи вѣрующаго духовнымъ сыномъ: онъ имѣлъ право и отослать его, если боялся погибнуть съ чужими грѣхами. Но вотъ свободный духовный союзъ заключенъ; около мірскаго священника или іеромонаха набирается группа дѣтей духовныхъ, я бы сказалъ—нарождается духовная или покаяльная семья. Такая группа вѣрующихъ не совпадала ни съ какой церковно-административной единицей, напримѣръ, съ приходомъ. Она держалась при помощи только внутренней связи, но держалась крѣпко. Нравственное положеніе духовнаго отца въ древней Руси было очень высоко: онъ являлся безусловнымъ и никѣмъ неограниченнымъ нравственнымъ руководителемъ своихъ чадъ. Его воля—законъ; судъ—безъ апелляціи. Духовныя дѣти обязаны имѣть къ отцу великую любовь и вѣру, слушать его во всемъ, безъ его позволенія или прямого приказанія не ступать ни одного шага въ духовной жизни.

Таковъ идеаль отношеній духовника и дѣтей духовныхъ. Идеаль этотъ у насъ въ древности осуществился въ своеобразныхъ *бытовыхъ формахъ*. Единный и несмѣняемый духовный отецъ разлучается съ духовнымъ сыномъ только смертью

¹⁾ Обстоятельныѣ объ этомъ см. въ нашемъ очеркѣ *Древне-русскій духовникъ*, Сергіевъ Посадъ 1899 (отд. оттискъ изъ *Богосл. Вѣстн.* 1898 г.).

своей или его. Духовникъ, уходя куда-нибудь далеко, если онъ мірской священникъ—удаляясь на покой въ монастырь, поручаетъ свою паству другому; умирая, передаетъ по завѣщанію. И духовныя дѣти своимъ долгомъ считали призывать волю отца, если даже она имъ неприятна, если назначенный отецъ негоденъ. Ихъ самостоятельность въ выборѣ поваго духовника нѣкоторыми осуждалась. Никому не порученныя дѣти духовныя чувствовали себя осиротѣлыми и не знали, могутъ ли итти на исповѣдь къ другому.

Вотъ общія черты древне-русскаго института духовничества, который давно показался мнѣ заслуживающимъ изученія. Тогда же я предположилъ, наличность двухъ элементовъ, сочетавшихся въ этомъ своеобразномъ институтѣ: *монастырскаго строя и народнаго быта.*

Та роль, которую игралъ духовникъ въ древне-русской жизни, мнѣ представлялась значительной и также интересной. Покаянная дисциплина древности отличалась отъ современной,—была гораздо строже. Епитиміи налагались духовникомъ за всякіе грѣхи, тяжкіе и легкіе. Не были рѣдкостью епитиміи публичныя, встрѣчались (хотя не часто) даже покаянныя степени. Значить, власть духовнаго отца надъ вѣрующими простиралась далеко. Затѣмъ. Покаянная практика духовнаго отца непременно соединялась съ практикой пастырской и учительной и немислима была безъ нея. Исповѣдываться у случайно попавшаго священника, чтобы потомъ и забыть о немъ, совершенно было не принято въ древней Руси. Изъ года въ годъ или изъ поста въ постъ вѣрующій ходилъ на исповѣдь къ одному, разъ избранному духовнику. Но исповѣдь даже стороннему священнику по нуждѣ признавалась уже актомъ его пожизненнаго избранія въ духовные отцы. Случалось такъ. Бояринъ въ походѣ или на воеводствѣ, вдали отъ своего духовнаго отца, захвораетъ и исповѣдается по нуждѣ у мѣстнаго священника. Послѣ того онъ считаетъ этого священника своимъ духовнымъ отцемъ до конца дней рядомъ съ прежнимъ духовникомъ. Такъ даже единичный фактъ исповѣди являлся актомъ вступленія вѣрующаго въ особенныя отношенія съ духовникомъ,—подъ паству отца духовнаго.

Учительный элементъ несомнѣнно былъ присущъ нашей древней исповѣди. И предварялась и сопровождалась она поуче-

ніями, авторами которыхъ были древніе духовники, грече-скіе и русскіе. Духовники писали чадамъ своимъ еще особья посланія, назидательно - дисциплинарныя, которыхъ не мало сохранилось въ рукописяхъ. Извѣстна постановка церковно-учительнаго дѣла въ московской Руси. Живой проповѣди не было. Ее замѣняла учительная книга, которую вѣрующій слушалъ въ церкви, на монастырской трапезѣ и которую читалъ, если умѣлъ, дома. Справедливо замѣчаютъ, что „распространеніемъ христіанскаго просвѣщенія и церковностью быта наша древняя, отсталая Русь была обязана болѣе книгѣ, чѣмъ устному слову“¹⁾. *Единственныимъ живымъ учителемъ стръ*—или скромнѣе—истолкователемъ той же самой учительной книги являлся *духовникъ*. Не было тогда живого учительства общественнаго и церковнаго, но было тайное, индивидуальное. Когда въ половинѣ XVII в. подъ вліяніемъ кievскихъ ученыхъ стала появляться на Москвѣ живая церковная проповѣдь, это вызвало ропотъ и негодованіе въ московскомъ духовенствѣ. „Заводите вы, ханжи,—говорилъ попъ Прокофій попу Ивану Гаврилову,—ересь новую: единоголасное цѣніе и людей въ церкви учить; а мы людей прежде сего въ церкви не учивали, а учили ихъ въ тайнѣ“. Тайное учительство, которое такъ энергично защищалъ попъ Прокофій, и есть именно учительство на духу и при личномъ общеніи съ духовными дѣтми. Дѣйствительно, церковная власть въ древней Руси на пространствѣ многихъ вѣковъ въ святительскихъ поученіяхъ и постановленіяхъ соборовъ (напримѣръ,—Стоглаваго) неизмѣнно и настойчиво предписывала священникамъ учить или наказывать дѣтей духовныхъ, т. е. обращалась къ священникамъ, какъ къ духовникамъ, именно съ духовничествомъ ихъ связывала ихъ пастырскую и учительную обязанность. Совершенно также смотрѣли на свои обязанности и сами священники древней Руси. Среди нихъ распространена была мысль, будто каждый священникъ обязанъ наставлять и учить только въ предѣлахъ своей духовной семьи, потому-что онъ дастъ отвѣтъ Богу за души лишь дѣтей своихъ духовныхъ. Священникъ не-духовникъ сво-

¹⁾ Проф. Н. К. Никольскій. Историческія особенности въ постановкѣ церковно-учительнаго дѣла въ московской Руси (XV—XVII вв.). СПб. 1901, 7 стр.

бодень отъ учительной обязанности. И какъ это ни странно, мы встрѣчаемъ въ древней Руси прямыя запрещенія священнику учить—запрещенія „несмысленнымъ попамъ“ учить или читать предъ людьми, а вмѣстѣ съ тѣмъ и держать дѣтей духовныхъ.

Итакъ вы видите, что нашъ древній духовникъ, по крайней мѣрѣ въ московской Руси, былъ единственнымъ живымъ учителемъ народа. Онъ толковалъ ему божественную книгу. Онъ примѣнялъ къ частному вѣрующему предписанія церковнаго устава. Воля епископа доходила до паствы опять таки чрезъ волю и разумъ духовныхъ отцевъ.

Чему же и какъ училъ народъ древне-русскій духовникъ? Извѣстно, какъ понималась религія нашими предками. Она понималась какъ обрядъ, другими словами, какъ дисциплина молитвы и дисциплина жизни. Все остальное въ христіанствѣ: догматы, мораль, даже мистическая сторона стояло на второмъ планѣ, а можетъ быть вѣрнѣе будетъ сказать,—мыслилось составною частью того же обряда. И вотъ этимъ двумъ дисциплинамъ—молитвы и жизни поучалъ вѣрующіхъ духовникъ древней Руси. Имѣя руководствомъ божественную книгу, главнымъ образомъ каноническую, отчасти учительную, онъ началъ это тайное, незримое и потому ускользающее отъ историковъ дѣло тогда, когда наши предки „звѣрнымъ обычаемъ живяху“, когда языческой бытъ народа стоялъ предъ служителемъ церкви прочно, ничуть непоколебленный, и кончилъ тѣмъ, что создалъ на Руси полумонастырскій бытъ, о которомъ мы читаемъ въ Домостроѣ, обрядъ и міросозерцаніи, которыя нашли себѣ полное выраженіе въ старообрядствѣ,—создалъ то, что умираетъ въ русскомъ народѣ въ наше время, время величайшаго историческаго переворота.

Интересъ историка въ прошедшемъ, хотя бы оно безповоротно умирало или давно безслѣдно умерло. И если бы онъ, какъ я, заинтересовался исторической судьбой этой разрушающейся теперь религіозной и церковной дисциплины,—какъ она слагалась сама въ себѣ, какъ прививалась къ жизни народа и ее преобразовывала, этотъ историкъ долженъ пойти по рукописнымъ книгохранилищамъ, отряхнуть пыль вѣковъ отъ духовническихъ руководствъ,—отъ покаянныхъ номоканоновъ или зинарей, „книгъ манакануныхъ“, глядя въ кото-

рыя отецъ духовный исправлялъ „грубости людскія“. Такихъ рукописей, часто носящихъ слѣды долгаго употребленія, за-капаннхъ и затертыхъ не мало. Онѣ попадаются въ каждой значительной рукописной библиотекѣ. Между тѣмъ эта покаянная литература мало изучена, даже разнѣ оцѣнивается историками. Одни (Н. С. Тихонравовъ) видятъ въ ней важный источникъ для исторіи образованности, нравовъ и общественнаго развитія древней Руси. Другіе же (проф. Е. Пѣтуховъ) считаютъ ее всецѣло переводной, не оригинальной, не отразившей древне-русской жизни и потому не имѣющей большого значенія въ смыслѣ историческаго источника. Естественно,—такіе разнорѣчивые взгляды только возбуждали любознательность, совершенно понятную въ историкѣ русской церкви, наука котораго скудна источниками. У меня возникла мысль, нельзя ли извлечь что-нибудь цѣнное для исторіи древне-русскаго быта изъ древней покаянной письменности. И то, что я успѣлъ узнать и изучить, мнѣ говорило, что это можно, но только длиннымъ путемъ кропотливаго сравнительнаго изученія.

Несомнѣнно то, что древне-русская покаянная письменность находилась подъ сильнымъ вліяніемъ греческой, а можетъ быть отчасти и латинской ¹⁾. Руководства къ исповѣди и наложенію епитимій имѣютъ въ основѣ своей греческій такъ называемый Номоканонъ Іоанна Постника въ разныхъ редакціяхъ. Рядъ дисциплинарныхъ правилъ и статей, составляющихъ большую часть упомянутыхъ мною зинарей, опять таки лишь узору по греческой канвѣ. Канвою ихъ служить греческій покаянный номоканонъ (вт. пол. XII—XIV вв.), по имени издателя называемый Котельеровымъ. Но за вычетомъ этихъ греческихъ источниковъ оставалось много любопытнаго матеріала и въ немъ несомнѣнно есть на лицо русскія черты, напр. отдѣльныя статьи Вопросавія Кирика, иногда въ особенной редакціи,—правила митр. Іоанна, поученія архіеп. Іліи-Іоанна и т. д. Для меня стало ясно, что научно разобраться въ древне-русской покаянной письменности возможно, только послѣ тщательнаго изученія по-

¹⁾ Значительное вліяніе со стороны католическаго запада на древне-русскую покаянную письменность предполагаетъ проф. Н. С. Суворовъ

каинной письменности греческаго Востока, а можетъ быть даже и латинскаго Запада.

Въ самомъ институтѣ древне-русскаго духовника, интересовавшемъ меня ближайшимъ образомъ, представлялось много чертъ, объяснимыхъ лишь изъ раннѣйшей исторіи института на Востокѣ. Въ самомъ дѣлѣ. Въ древней Руси были духовниками какъ бѣлые священники такъ и іеромонахи. Но характеръ духовническаго института — явно монашескій, чертами монастырскаго пастырства отличаются взаимныя отношенія духовнаго отца и дѣтей. Почему же это такъ? Откуда такое сильное вліяніе монастыря на институтъ общецерковный? Даже изъ древне-русскихъ памятниковъ я узнаю, что на Востокѣ въ XII в. и позднѣе духовничествомъ занимались исключительно монахи, которые очевидно и со общими монастырскія черты духовничеству. А при самомъ первоначальномъ ознакомленіи съ духовничествомъ восточнымъ мнѣ встрѣчается удивительный фактъ, что тамъ нѣсколько ранѣе XII в. нѣрѣдко бывали духовниками простые, не священнаго сана монахи. Объясняютъ это монашескимъ злоупотребленіемъ, но странно то, что въ немъ виноваты не одни заинтересованные монахи, но и епископы, которые, случалось, давали право на духовничество простымъ монахамъ, даже повидимому монахинямъ—игуменьямъ. Значитъ здѣсь дѣло не въ обыкновенномъ нарушеніи церковной дисциплины, а въ чемъ-то болѣе сложномъ... Указанія соображенія и недоумѣнія заставили меня заняться исторической судьбой духовничества на Востокѣ съ самаго начала его возникновенія, потому что только такимъ путемъ я считалъ возможнымъ дать надлежащее объясненіе страннымъ явленіямъ въ исторіи интересующаго меня института.

Мнѣ хотѣлось уяснить себѣ всю исторію восточнаго и русскаго духовничества и все его значеніе въ древней Руси,— въ церковномъ бытѣ, общественномъ строѣ и религіозномъ міросозерцаніи. Какъ видите, замыслы мои были широкіе. Но удалось пока исполнить лишь незначительную часть задуманнаго. Въ предлагаемой книгѣ я успѣлъ обслѣдовать лишь половину первоначальной исторіи духовничества (съ IV до пол. IX в.), потому что вопросъ оказался гораздо сложнѣе, чѣмъ мнѣ представлялось это ранѣе.

Въ такое живое время какъ наше, полное движенія, за-

хватывающаго интереса и трагизма, едва ли кто изъ почтеннаго собранія, кромѣ двоихъ подневольныхъ читателей (—разумью официальныхъ опонентовъ), имѣлъ терпѣніе прочесть мою скучную книгу, предлагаемую на обсужденіе. Поэтому я позволяю себѣ еще злоупотребить вниманіемъ ученаго собранія и по возможности немногословно формулировать ея содержаніе.

Съ понятіемъ „духовнаго отца“ въ восточной церкви съ XII в. и въ древней Руси соединилось представленіе, какъ о священникѣ—*совершителѣ таинства покаянія*,—а вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ о *руководителѣ—пастырѣ тѣхъ върующихся*, надъ которыми онъ совершалъ таинство и которыхъ называлъ своими дѣтьми духовными. Духовный отецъ или духовникъ былъ въ то время особымъ органомъ церковной власти, органомъ тайной исповѣди и своего рода пастыремъ. *Духовничество представляло особый церковный институтъ.*

Этотъ институтъ, начальную исторію котораго я излагаю въ своей книгѣ, очень несложенъ. Однако, не смотря на всю свою несложность и простоту, онъ имѣетъ довольно сложную, во многомъ неясную и продолжительную исторію. Терминъ „духовный отецъ“ появляется въ христіанской письменности IV в., но только въ XII столѣтіи приобретаетъ свое полное значеніе, которое указано. *Въ институтѣ духовнаго отца, по тогдашнему представленію, какъ можно видѣть, два элемента: каноническій—источникъ духовно-отеческихъ полномочій и власти (іерархическій санъ духовнаго отца и епископское поручительство) и пастырскій—внутренняя и внѣшняя организація взаимныхъ нравственно-бытовыхъ отношеній духовнаго отца и дѣтей.* Спрашивается, связаны ли неразрывно оба эти элемента и постоянно ли существовали они вмѣстѣ въ изучаемомъ явленіи? Оказывается, нѣтъ: появились они не сразу. И въ постепенномъ выясненіи каждаго изъ нихъ, затѣмъ во взаимномъ ихъ сближеніи и состоитъ вся первоначальная исторія изучаемаго института.

Такова постановка вопроса. Теперь изложу его рѣшеніе, которое дается моей книгой.

Какой элементъ былъ первоначальнымъ, болѣе постояннымъ и менѣе измѣняемымъ въ явленіи, которое обозначается словами „духовный отецъ?“ Историки-канонисты признають

такимъ каноническій элементъ духовничества—власть ключей, право вязать и рѣшить, и источникъ этого права: пресвитерскій санъ духовнаго отца и полномочіе его высшей властью. Прототипъ позднѣйшаго духовника они ищутъ въ покаянномъ пресвитерѣ, недолго существовавшемъ въ Константинопольской церкви (съ пол. III до кон. IV в.), и въ письменности слѣдующихъ столѣтій собираютъ данныя о пресвитерахъ — совершителяхъ публичной и тайной исповѣди и покаянія. И канонисты до извѣстной степени правы: и тотъ и другіе очень походятъ на позднѣйшаго духовника и очень вѣроятно, что при выясненіи канонической конструкции института въ XII в. примѣръ древняго покаяннаго пресвитера имѣлъ значеніе руководящаго образца. Однако, во-первыхъ, ученіе о правѣ вязать и рѣшить не было неизмѣннымъ и неподвижнымъ въ древней церкви. Во-вторыхъ, въ древней письменности ни покаянный пресвитеръ, ни пресвитеры, о совершеніи которыми исповѣди передаютъ извѣстія, не называются „духовными отцами“. Въ-третьихъ наконецъ, въ обоихъ случаяхъ мы не видимъ системы нравственно-бытовыхъ отношеній между пресвитеромъ-духовникомъ и вѣрующими,—того элемента, который игралъ такую огромную роль въ древнемъ духовничествѣ, восточномъ и русскомъ, и который совершенно напрасно игнорируется изслѣдователями канонистами. Поэтому я полагаю, что нѣтъ генетической связи между древнимъ покаяннымъ пресвитеромъ, или пресвитерами V-го, напримѣръ, вѣка, совершавшими исповѣдь, и позднѣйшимъ духовникомъ. Мало того. Я думаю, первоначальная исторія духовничества до такой степени темна и мало выяснена благодаря именно этому ошибочному сближенію.

1. По моему мнѣнію, изслѣдовать вопросъ о происхожденіи духовничества надо другимъ путемъ. Слѣдуетъ начать съ терминологіи,—съ изученія термина „духовный отецъ“, которымъ съ XII вѣка въ восточной церкви неизмѣнно назывался духовникъ,—такъ какъ терминологія естественно отражаетъ исторію и должна служить руководящей нитью при историческомъ изученіи самаго явленія. Терминъ *πνευματικός πατήρ* впервые появляется въ аскетической письменности IV вѣка и во все продолженіе періода вселенскихъ соборовъ (до полов. IX стол.) имъ обозначался не священникъ и не совершитель таинства покаянія, не исполнитель епи-

скопскаго поручительства,—а *простой монастырскій старецъ, обязательный наставникъ инока, самостоятельно поставленный въ монастырь и свободно выбранный ученикомъ,*—большее частію не имѣвшій священнаго сана. Онъ бралъ души учениковъ на свою душу, руководилъ ими въ каждомъ шагѣ духовной жизни, а потому принималъ исповѣдь ихъ помысловъ и дѣлъ, поощрялъ и наказывалъ. *Нравственно-бытовые отношенія старца и ученика,*—духовнаго отца и духовнаго сына очень рано выработались и вѣшне и внутренне въ прочную и стройную систему, *окрѣпли въ монастырски-бытовую форму.* Эту форму и надо признать первоначальнымъ, наиболѣе постояннымъ и устойчивымъ элементомъ въ институтѣ духовнаго отца. Сначала институтъ является въ формѣ монастырскаго старчества и терминомъ „духовный отецъ“ долго обозначался монастырскій старецъ. Затѣмъ эта церковно-бытовая форма почти цѣликомъ повторилась въ позднѣйшемъ духовничествѣ. Монастырскій старецъ и духовникъ, какимъ онъ былъ въ древней восточной церкви и въ древней Руси,—одинаково „духовные отцы“ со стороны своихъ пастырскихъ отношеній къ подчиненнымъ. По своимъ правамъ и обязанностямъ, по характеру нравственно-бытовыхъ отношеній къ ученикамъ, къ монастырскимъ послушникамъ, которые первоначально и называются дѣтьми духовными, монастырскій старецъ былъ настоящимъ отцемъ духовнымъ, а духовникъ въ свою очередь настоящимъ старцемъ. Въ древнемъ духовничествѣ, восточномъ и русскомъ, этотъ строй нравственныхъ отношеній повторился въ значительной степени, нужно сказать больше—онъ перешелъ туда какъ естественное наслѣдство отъ института старчества. *Духовничество, какъ церковно-бытовая форма, развилось изъ старчества и представляетъ вторичную форму института духовнаго отца.* Монастырски-бытовая форма превратилась въ форму церковно-бытовую и въ такомъ видѣ просуществовала на Востокѣ почти неизмѣнно длинный рядъ столѣтій. Живой и почти нетронутой разрушеніемъ (въ томъ видѣ, какъ описано выше) мы видимъ ее на Руси втор. пол. XVII в. въ сочиненіяхъ вождей старообрядства, а въ нач. XVIII въ сочиненіяхъ крестьянина Посошкова. Вотъ почему въ I-ой же главѣ своего изслѣдованія я подробно останавливаюсь на институтѣ монастырскаго старчества.